

ОТ АВТОРА «СТЕНЫ ВОКРУГ НАС», БЕСТСЕЛЛЕРА #1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

НОВА РЕН СУМА

МЕСТО ВДАЛИ ОТ
ВОЛКОВ

Нова Рен Сума
Место вдали от волков

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сума Н.

Место вдали от волков / Н. Сума — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-100845-1

Пансион для девушек «Кэтрин Хаус» – место с трагической историей, мрачными тайнами и строгими правилами. Но семнадцатилетняя Сабина знает из рассказов матери, что здесь она будет в безопасности. Сбежав из дома от отчима и сводных сестер, которые превращали ее жизнь в настоящий кошмар, девушка отправляется в «Кэтрин Хаус», чтобы начать все сначала. Сабине почти удается забыть прежнюю жизнь, но вскоре она становится свидетельницей странных и мистических событий. Девушка понимает, что находиться в пансионе опасно, но по какой-то необъяснимой причине обитатели не могут покинуть это место. Что же творится здесь на самом деле? Сабине придется раскрыть эту тайну, чтобы вырваться из плена надвигающегося ужаса.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100845-1

© Сума Н., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I	6
В темноте	6
Твердая земля	7
Часть II	10
Неприятности	11
Свободная комната	20
Клятва	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Нова Рен Сума

Место вдали от волков

*Дикому городу моей мамы – месту, которое украло мое сердце,
сломало меня и заставило меня сломать, и каким-то образом исполнило
мои мечты*

&

Э,

он всегда со мной

*Только в комнате ты можешь спрятаться
от волков.*

– Джин Рис, «Доброе утро, полночь»

© Медведь О., перевод на русский язык, 2019

© Норицына О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть I

В темноте

Девушка, жившая в комнате под моей, исчезла в темноте без предупреждения и страха. Перед тем она как будто стояла спиной ко мне, но я чувствовала, что ее глаза открыты; силуэт города оцетинился во внимании, пятью этажами ниже ждала улица. Именно так я рисовала в своем воображении Кэтрин де Барра, стоявшую на краю почти сотню лет назад, когда смог не давал дышать, а огни светили не так ярко, когда только одна девушка спала в этих стенах из красного кирпича.

Той ночью на крыше я составляла компанию своей подруге – если ее можно было назвать подругой – и стояла к ней так близко, что могла увести ее оттуда, или сказать ей что-нибудь на ухо, или могла толкнуть. Я видела, как далеко находятся ворота, как далеко нужно будет прыгнуть, чтобы их достичь. Я была здесь ради того, чтобы засвидетельствовать ее прыжок.

Было темно, и я обвинила во всем темноту. В те несколько секунд, когда она оказалась в воздухе, даже не оттолкнувшись, я практически превратилась в нее. Отрастила ее длинные ноги и ресницы, лишилась неаккуратности прически, позволила ошибкам высыпаться из чемодана и беззаботно рассеяться на ветру. Я падала и падала быстро. В ушах раздавался гул – словно проникающая сквозь половицы песня. Во всех окнах до единого на пути вниз горел свет, незнакомые мне люди проживали за ними свою жизнь, словно их никто не мог видеть. Горизонт сверкал звездами, как дома, и я не хотела падать на землю. Здесь я была кем-то. Я была кем-то.

Возможно, именно это она видела, чувствовала, в это превратил ее дом. Она шагнула в пустоту. И много раз могла проскочить в ворота. Я клянусь, она была там. Клянусь, она принадлежала воздуху, ночи, фонари заключали ее в кольцо, а потом клочок темноты оказался пустым.

Я смотрела на то место, где она только что была, словно плыла прямо над зданиями, за пределами шпиль и строительных лесов, мимо садов на крышах и водонапорных башен, вниз по Нижнему Манхэттену к южной оконечности острова, где зияла чернотой бухта. Передо мной раскинулся весь город, мрачный, странный и идеальный. В воздухе было пусто, ее там не было. Ни одна девушка не падала и не летала. Все окна были темными. И стало так странно тихо, словно в лесу, куда днями не ступала нога человека. Вспомнив, где нахожусь, я подобралась к краю, ухватилась за кирпичи, чтобы не потерять равновесие, и сделала то, чего она хотела.

Я выглянула в пустующую ночь – необъятное пространство, серое и многообещающее – и посмотрела вниз.

Твердая земля

Моне Мэтис, моя соседка снизу и первый человек на этом клочке переполненной людьми земли, знавший, кто я такая, а не кем я пыталась казаться, не совсем исчезла в воздухе. Ночь, в которую я ее потеряла, была ясной и серой, жаркой и с неприятным запахом. Я не поняла, где началась путаница и одержали верх вымыслы, но заметила ее, как только посмотрела вниз. Она добралась до тротуара. Время перевалило за полночь, и она лежала на жесткой земле по ту сторону ворот, где даже я не надеялась до нее добраться.

Люди говорили, что она просто упала с ночного неба. Какой-то свидетель с улицы сообщил, что она взялась из ниоткуда, свалилась, как обломок пролетавшего мимо самолета. Другие сказали, что видели на крыше фигуру, опасно балансирующую на краю, и предположили, что она сама отправила себя в полет. Кое-кто утверждал, будто она неслась с неба, завывая и борясь с воздухом. Нашлись и те, кто сказал, что она упала как камень, без сознания, и не издала ни звука, кроме хруста от столкновения тела с тротуаром.

Они ничего не знали.

Это правда, что Моне упала на землю прямо за воротами на входе в «Кэтрин Хаус», где она жила на четвертом этаже в комнате, выходящей окном на восток. Зеваки не знали, что это пансион для молодых девушек, открытый после трагедии, произошедшей в 1919 году. Единственный пансион такого рода, оставшийся в Манхэттене. В железной паутине ворот можно рассмотреть слова «Кэтрин Хаус», но тезка этого дома уже давно умерла. Ворота на ночь, с наступлением комендантского часа, запирались. Ни одна девушка не могла войти или выйти, даже если колотила по решеткам. Проезжая сюда, мы все соглашались с этим правилом.

Появившейся с неба девушке – они не знали ее имени, ее манеры наслаждаться секретами, при этом не раскрывая своих, – едва удалось избежать одного из остроконечных столбов, устремляющихся в темноту. Тротуар под ее телом пошел трещинами, тонкие линии расползлись во все стороны, словно от удара молнии. Она лежала на животе, руки вытянуты, щека прижата к земле. От звука падения ее тела у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. А потом настала тишина, такая тишина, что в ней был слышен гул уличных фонарей... Мчащийся вдоль ближайшей авеню автобус М20, направляющийся в центр через Виллидж до Саут-Ферри. Блеющая вдали автомобильная сигнализация.

Хоть время было позднее, вокруг девушки собралась небольшая толпа бодрствующих, желающих помочь и поглазеть на произошедшее. Несколько жильцов квартала в поиске источника шума спустились с крылец, сжимая в кулаках ключи от дома. Из квартиры на цокольном этаже поднялась старушка с извивающимся котом на руках. Она угрожала подать еще одну жалобу на 311. Затих гогот туристов, блуждающих по Вэйверли Плэйс. Гуляющий с крошечной собакой на украшенном шипами кожаном поводке мужчина бросил взгляд на тело, затем оглянулся и решил обойти квартал. Для нас они все были незнакомцами. Вероятно, дом притягивал трагедии, словно магнит, словно конфликт посреди спокойствия. Но никто не знал, что происходило внутри.

Для них лежащая на тротуаре Моне была из другого мира, пойманная и прижатая к земле, как крылатый жук к странице. Ее освещали уличные фонари. Короткие волосы на затылке торчали вверх. Она носила белую одежду, но ночь превратила ее в серую – такими серыми становятся призраки, когда рассеиваются и почти растворяются в темноте. Она лежала неподвижно, одна нога босая, рот открыт. И не ясно – дышала ли.

Сделанные на месте фотографии отфильтрованы, подписаны, выложены в Сеть. Люди бродили рядом в ожидании «Скорой». На углу со скрипом остановилось желтое такси. Из него вышел водитель, включив табличку «Свободно» – вдруг удастся поймать пассажира. Кто-то

пихнул тело. Кто-то сказал: «Не трогайте ее, дождитесь «Скорой». Кто-то особо впечатлительный наклонился и зарыдал.

По улице закружились версии возможных мотивов. Одни говорили, она спрыгнула: выглядела, как спрыгнувшая. Другие предположили аварию по вине пьяного водителя или насильственную смерть. Слышались предположения. Догадки. Злые непонятные намеки.

Они вели себя так, словно знали ее, видели все своими глазами. Но это не так. Там была я.

Я посмотрела через край, но меня никто не заметил: меня скрывала темнота и выступающая водосточная труба.

Мой взгляд с высоты птичьего полета выцепил ее на тротуаре, обведенную мелом. Она лежала спиной ко мне, словно навсегда вышла из комнаты. И не двигалась.

Я, скрываясь за водосточной трубой в самой глубокой тени, задержала дыхание. Что она наделала? В небе повис густой темный туман. Безжалостно дул ветер. Зачем она это сделала? Она что-то забрала у меня, выхватила прямо из моих рук, и теперь я не верну это. Или ее.

То многое, что я не поняла, сформировало вокруг меня занавес, кишаший пылевыми клещами и источающий почти вековой объем секретов. Занавес затянулся, превратившись в подобие неудобного кокона, и я могла скрыться в нем от всего.

Я поднялась. Собиралась спуститься и вернуться в арендуемую комнату, которая почти целый месяц была моей. Собиралась оставить все как есть, оплакать Моне в одиночестве и погрузиться, что все пошло именно так, но остановилась. Почувствовала рывок, будто она удерживала на веревочке часть меня. Я вернулась и, ощутив тягу посмотреть на все в последний раз, взглянула вниз.

А там...

На тротуаре в тени высоких кованых ворот с буквами «Кэтрин»...

Дергалась ее нога.

Сначала движение было едва заметным, и я легко могла его не заметить. Но потом набрало силу, поднялось по левой ноге и распространилось до кончиков пальцев правой руки, которые распластались и вцепились в землю. Она перевернулась, на мгновение свернулась калачиком у ворот и села. Затем дернулась вперед и, поднявшись, забалансировала на обеих ногах. Чуть пошаталась. Поднесла руки к голове. Насколько я могла судить со своего места наблюдения, ее кости были целы.

Она это сделала. Действительно сделала.

Люди на улице заохали, стали дергаться, бросились назад, словно это чудо как-то могло на них повлиять. Они вели себя так обыденно. Казалось, никто не знал, что делать. Я догадалась, о чем они все могли думать: *она вообще падала с неба?* Возможно, им показалось или их обдурили. И меня, наверное, вместе с ними.

Моне ничего не сказала, не объяснила. Стояла в нерешительности по ту сторону ворот в одной туфле и в призрачно-сером.

Я замерла. Выступ был узким, без поручня, сдерживающего ночь, – за выступом лишь пустота, от которой трясутся ноги. От потока воздуха по моим рукам побежали мурашки, точно налетела летняя гроза, но дело было не в погоде.

Видимо, она почувствовала мой взгляд.

Она вскинула подбородок. Поднесла руку козырьком к глазам, чтобы лучше видеть, – и ее взгляд сосредоточился на мне. Некоторые зеваки решили проследить за ним и подняли головы, а я пригнулась и снова выглянула из-за небольшой трубы.

Интересно, что она чувствовала, что знала, что видела со своего места? Переполняли ли сейчас ее мозг разноцветные бабочки, поправляли ли каналы ее сердца импульсы теплого света? Имела ли темнота вкус, развернуло ли столкновение все неправильное в ней? Я знала лишь, что теперь ее жизнь будет другой. Ее больше не было с нами. Так чего она ждала?

В моих ушах раздался пронзительный рокочущий гул.

Стоявшие внизу зеваки смотрели на нее и качали головами.

– Ты в порядке, дорогая? – спросил какой-то парень.

Она его проигнорировала, как проигнорировала бы любого мужчину, назвавшего ее «дорогой».

Она всматривалась в ночь, но городское небо оставалось беззвездным, окна на последних этажах – черными, а я не высывалась. Сюда ехала «Скорая», но Моне не станет ее ждать.

Она направилась к воротам, и я сначала подумала, она пытается войти в дом, но Моне вернулась с чем-то в руках. Чемодан. Он поджидал ее. Похоже, она заметила табличку такси, потому что пошла в его сторону, и никто не пытался ее остановить. Когда она устроилась на заднем сиденье, перед этим закинув внутрь чемодан, таксист не стал ее выпроваживать. Лишь пожал плечами и сел за руль. Оставшиеся зеваки отступили. Шум сошел на нет. Город снова стал тихим, таким, к какому я привыкла: словно вместо лабиринта из асфальта, бетона и кирпича меня окружал густой переплетающийся лес.

Я наблюдала с крыши. Долгое время мне казалось, ночь снова проглотила Моне, как в момент, когда она шагнула во тьму, но вот такси выехало на проезжую часть, повернуло и, моргнув задними фарами, исчезло.

Часть II

Месяцем ранее

Неприятности

В тот день, когда я уезжала в Нью-Йорк, летняя жара уже была невыносимой, а небо ярко-белым. Я стояла на обочине дороги со старым чемоданом и свежим синяком. Я не разговаривала с мамой, но, поднимая большой палец, думала только о ней – о последних ее словах, сказанных мне, ее ужасных намерениях сделать со мной что-то, когда она обнаружит мое исчезновение.

Это мама научила меня путешествовать автостопом. Извилистая обочина в волнистой тени ивы была нашим местом, а город – предполагаемым местом назначения. Еще она научила меня тщательно и в несколько слоев скрывать синяки, как без коробка спичек развести в лесу костер и как обижаться.

Всего день назад она попросила меня уйти, а я не могла понять, чему она меня в тот момент учила. Она стояла на пороге моей комнаты, не ступая внутрь. Просто стояла там и сказала, что мне нужно ненадолго уехать, что она уже нашла, где мне остановиться. И даже подготовила для меня чемодан с откидной крышкой. Она не смотрела мне в глаза. Я сидела на кровати, приставленной к стене, и нас разделяла кучка грязного белья, похожая на мох. Мама не подходила ближе, как будто опасалась испачкать обувь.

– Ты должна понять, Бина. Ему кажется, вы, девочки, должны провести время врозь. Они его дочери. Это его дом. Каких действий ты от меня ждешь?

Она говорила о своем муже. Мне уже следовало привыкнуть называть его по имени – прошло восемь лет, – но не нравилось произносить его там, где он мог услышать. Его дочери, две девочки – одна моего возраста, другая на год старше, – хотели бы меня убить.

Маме следовало бы быть немного преданнее, как мне кажется. Выбрать свою плоть и кровь, а не семью, за которую вышла замуж. Но она выгоняла меня. Чемодан был собран. Комнату, которая освободится, они смогут использовать для скрапбукинга, хранения или тренировок.

– Это всего на месяц. – Она посмотрела на стену из старинного подвального шлакоблока – моя комната находилась в подвале и еще до моего переезда была выкрашена в тошнотворный цвет спелой дыни. – Не больше месяца, обещаю тебе. Вернешься сюда к августу. Ты ничего не скажешь?

– Скажу что? Скажу, что не делала этого?

– Если это все, что ты можешь сказать...

Я кивнула. Перевернула подушку.

– Значит, ты невиновна, – сказала она. – И говоришь, что девочки выдумали всю эту историю, чтобы насолить тебе. Снова.

И опозорить меня. И сломить в конце концов.

Я не могла припомнить, что сделала на этот раз, этим летом, а сегодня только последний день июня. Попыталась придумать истории, которые могла озвучить в свою защиту, выставить девочек ужасными или хотя бы чуть ужаснее меня. Нельзя сказать, что я снова разнесла комнату Шарлотты, потому что они заставили меня это сделать, приставив пистолет к голове, чтобы папа купил им новые вещи. Нельзя сказать, что я украла беспечно оставленный Даниэлой ноутбук и продала его, как они намекнули, за наркотики, потому что я защищала его и девочек. Из-за него меня чуть не усыпили хлороформом и не засунули в багажник машины, и все в этом доме должны меня благодарить и проверить на ПТСР¹. Мой мозг перебирал истории, возможные алиби, оправдания, но все они оказывались тонкими, как паутинка, и выдавали мое отчаяние. Я не знаю, что произнесет мой рот, пока не открою его.

---

¹ ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

Проблема в том, что мама привыкла к моей лжи. Конечно, она помнила, как я пыталась ее убедить, что ее новый муж ей неверен, и в качестве улики кидала в корзину для белья его рубашки со следами помады. Как я разгромила комнаты девчонок, разлив на их одинаковые розовые ковры найденную в гараже краску, а потом изображала самую невинность. Но они не всегда были моей мишенью. Иногда я придумывала истории о себе самой. Когда я сказала, что проглотила таблетки, врачам пришлось сказать, что из моего желудка нечего вымывать. Она, как любая хорошая мать, знала, какая я. И узнавала ложь, потому что сама растила ее в течение семнадцати лет.

Кроме того, я устала. Разве она не понимала, когда я говорила ей правду?

– Я клянусь, – сказала я.

Мама закрыла глаза, оттягивая момент.

Глядя на нее, я могла сказать, как буду выглядеть через двадцать лет. Мы даже смеялись одинаково – нам всегда так говорили. Одинаковые бледные глаза, меняющие цвет в зависимости от цвета неба, или надетой на нас футболки, или цвета стен комнаты, в которой мы находились. Одинаковая розоватая кожа, при малейшем проступке становящаяся еще розовее. Одинаковые волнистые волосы, непокорные и стянутые резинкой. Покончив с актерской карьерой, она перестала красить волосы в разные цвета, и с тех пор они каштановые, как и мои. Одинаковые каштановые волосы. Одинаковые руки. Одинаковые широкие бедра. Одинаковые пухлые губы. И одинаковая улыбка.

В тот момент она не улыбалась. Я не видела этого, но, как только она открыла глаза, клянусь, атмосфера в комнате окрасила радужки ее глаз в заразный зеленый.

– Я разговаривала с твоими сестрами. Они мне все рассказали.

Она называла девочек *моими сестрами*.

– Рассказали что?

– Что ты сделала. С тем парнем. В школе, на глазах у всех. Удивительно, как тебя не отстранили перед летними каникулами. И это же парень Даниэлы. Как ты могла?

Будто удар в живот. Я уставилась на нее.

Кусочки головоломки никак не складывались. Расплывались, как дымок, и моя мама вдыхала его, в результате чего даже не могла увидеть собственную дочь. Это была я. Я стояла прямо перед ней, а она не видела меня.

– Сабина, – сказала она. – Я устала. Все проблемы только из-за тебя. Каждый раз ты оказываешься причиной чего-то ужасного. И я уж молчу про то, что ты сделала с моей машиной. Как думаешь, как я выгляжу в его глазах?

Снова ее муж. Настал этот момент, когда она практически нарисовала мелом на полу подвала линию, разделившую нас. Она назвала меня полным именем, именем из моего учебного и разрешения на работу, не Биной, как она обычно предпочитала меня называть, не Бин, дурацким именем, каким называла меня в детстве и которое использовала только наедине. Она прочертила линию между нами. И осталась по ту сторону от нее. С ними.

– Считай это перерывом, – сказала она. – Побудешь отдельно от девочек некоторое время. Не ходи сегодня на вечеринку. Не трогай их. Тебе будет хорошо у Алисии и Андреа. Ты их знаешь – познакомилась тогда в церкви, помнишь? Они хорошие и великодушные. Заберут тебя завтра утром до того, как встанут твои сестры. Ты услышала, что я сказала насчет вечеринки?

Церковь – конек ее мужа, не ее. Упомянутые люди – не более чем абстрактные лица. Она знала, что я их не вспомню. У меня остался чемодан – хотя я не понимала почему, но это стало последней каплей. Что бы я ни сказала, она все равно не поверила бы. От такого хотелось кататься в одежде по полу. Расчистить это место и ощутить щекой самый низ подвала, самое холодное место в этом доме. Плитку, а под ней бассейн цемента. Возможно, я бы целый месяц не поднималась.

Но мне надо было попасть на вечеринку в лесу. Очистить мое имя.

Когда она ушла из подвала, в голове сформировался план – лихо закрученный. А еще с ногами. Я представила себе, как найду своих сестер и их друзей в лесу, где они всегда собирались на вечеринки, найду их... и что? Представила поток оскорблений, грубых стычек, обрывков правды. Как они признаются перед всеми и с позором поедут через весь город, чтобы признаться моей маме. *Мы такие лгуны. Мы сделаны из лжи. Мы солгали.* Мне не терпелось, чтобы она услышала от них эти слова.

Но этого недостаточно. Ей надо пожалеть о том, что она сделала. Я представила себе, как вернусь домой, чтобы собраться. Увидела, как мои руки ловко и аккуратно собирают всю наличность. Из сумок и ящиков с нижним бельем девочек наберется прилично, но я еще изыму, что смогу, из кошелька ее мужа, спрятанного в заднем кармане его рабочих слаксов, которые висели на спинке стула в спальне. Они профинансируют мою поездку, хоть и не добровольно. Мама придет в шок, а я отправлюсь в путь прежде, чем она куда-то отошлет меня. Знать, когда уйти – этому тоже она меня научила, потому что у нее это получалось паршиво.

Мама любила говорить, что худшая ошибка может привести к лучшему в жизни, что иной раз посмотришь и увидишь: ты нашла счастье в том, что чуть тебя не сломило.

Я предположила, она имела в виду меня и обстоятельства, связанные с моим появлением. Она не говорила, что я влетела в ее окно, словно кинутый кирпич. Не говорила, что, если бы я не родилась или она раньше ушла от моего отца, могла бы быть совершенно другим человеком – гораздо лучшим, более счастливым и реализовавшимся. Я лишь знала, что до рождения меня и свадьбы с ним она собиралась стать актрисой. Надеялась стать одним из ослепительных лиц – с неестественным свечением, серебристым и мягким, с ослепительно белыми зубами – на экране.

После окончания старшей школы она переехала в город в погоне за мечтой – стать знаменитой, быть кем-то. Она рассказывала, что уже подобралась очень близко к своей мечте, но ей пришлось отстраниться. Эта сказка на ночь, в которой на фоне города разворачивались события, привела меня к самым потрясающим фантазиям. Часть этой истории, роскошный кусочек в самом центре, была посвящена лету, когда она рассталась со своим парнем и переехала в пансион, в котором смогла снять комнату. Лету, когда она почти получила желаемое, прижимаясь лицом к стеклу, заглядывая внутрь. А потом новость обо мне, и вот она – напуганная, еще и двадцати нет.

Сказка заканчивается так: она стоит у окна на четвертом этаже пансиона для молодых девушек, где арендует комнату, выходящую на улицу, ее согревает свет миллиона других окон. Ее ноги, ступни полностью, болят после танцев. На этой неделе ее волосы бордового цвета. Они распущены, резинка потерялась, локоны на свободе. Съемка авторского фильма с ее участием закончилась, и этим вечером состоялась вечеринка в честь окончания съемок: они праздновали на сэкономленные деньги из мизерного бюджета. «Не уходи! Не уходи! – говорили они. – Ты все еще наша звезда! Останься». Но она должна была идти. Комендантский час. Исполнительный продюсер вызвал ей такси. Теперь она стоит у окна вся во власти так недавно пережитого, помнит каждый момент, ноги горят.

И тут слышит его.

Он ее нашел. Он на улице. Стучит по воротам, выкрикивает ее настоящее имя, не то, которое вскоре напишут в титрах, а из документов школы в Гудзонской долине в часах и жизнях отсюда. Если бы она осталась на вечеринке, они бы разминулись. Но она здесь, у окна, а он, мой отец, который пока не знал про меня, у ворот.

Здесь сказка обрывалась. Видимо, ее настоящее имя, произнесенное на темной улице города, все испортило и окрасило картинку в черный. Дальше она ничего мне не рассказывала, словно время остановилось, когда она тем июльским вечером почти двадцать лет назад спустилась к нему.

Теперь могла начаться моя история. Я знала лишь, что если хотела что-то поменять, то должна покинуть этот подвал, отправиться туда, где меня не хотели видеть.

* * *

Мамина спальня, которую она делила со своим вторым мужем, находилась на первом этаже и выглядела на подъездную дорожку, не сокрытую ни одним деревом. И мама в темноте слышала, как летучая мышь. Я дождалась, когда она включит фильм, и осторожно подняла чемодан над подвальной лестницей, не опуская его на грохочущее сломанное колесо. Выключила датчик движения от уличных фонарей и выскользнула на улицу через высокую заднюю дверь из стекла. Через нее мне было видно все, что происходило внутри, но оттуда никто не мог ничего разглядеть в разлитой снаружи темноте. Задний двор смотрел на скопление деревьев, и я могла обойти их и добраться до поворота на дороге по периметру по тропе, освещая себе путь позаимствованным из шкафа фонариком. Там, под ивой, я оставила чемодан, спрятав его под ежевичный куст. Вернусь за ним позже. Мама научила меня никогда не убегать без ничего.

Я помнила. Впервые я сбегала в девять – и она была со мной.

Мы вдвоем стояли на обочине, моя одетая в лохмотья разъяренная мама и я, невымытая и беспокоящаяся, что нас собьют. Мы держали табличку из истрепанной картонки, на которой аккуратно разноцветными маркерами написали: *Подвезите нас в город. Хорошая компания. Милый ребенок. Мама умеет петь.* Последнее – преувеличение. Из всех любимых вещей нам удалось спасти из дома только чемодан и ящик из-под молока – пока из своей мастерской не вышел волосатый социопат и не обнаружил, что мы сбежали. Так мы называли моего папу, чтобы не упоминать его имя. Произнесенное, оно будто давало ему силу, а он больше не имел над нами власти. Мы не смогли вынести из дома все, что хотели, а когда вместе отправились копать землю за помидорами черри – в саду на заднем дворе были посажены их ряды, – мама не нашла, что искала. Время вышло. Он мог обнаружить нас в любую минуту. Закончит рисовать – и узнает, что мы сбегали от него.

Мы собрали вещи и долго шли до двухполосного шоссе, стараясь не попадать в зону видимости от подъездной дорожки. Нашли безопасный поворот. Ива предоставила нам убежище. Я повторяла за мамой: как она вытягивала руку с поднятым большим пальцем и смотрела на дорогу с зазывающим выражением лица, с каким она, словно магнит, притягивала водителей. Мне хотелось помочь, и она сказала, что у меня талант от бога.

Мы планировали пойти прямо к автомагистрали. Нас интересовали ведущие на юг, через Нью-Йорк, трассы. Подошло бы любое транспортное средство при условии, что оно приблизит нас к городу – туда нас направил предсказатель судьбы. Мама возобновила бы свою карьеру и снова ходила бы на прослушивания – начала бы с малого, например со студенческих пьес, короткометражных фильмов, а потом, возможно, наняла бы преподавателя по вокалу и попыталась пройти в Офф-Офф-Бродвей. Ее мечта воскресла. Что касалось меня, я пока ни о чем не мечтала, но планировала найти себе мечту и носить ее перед мамой, чтобы она признала тот же огонь во мне.

Она сказала, я пойду в школу с городскими детьми. Придется заставить себя не стесняться. Возможно, она запишет меня на тхэквондо или кунг-фу, чтобы я могла защищаться, потому что городские улицы – это не тропинки в лесу, и здесь недостаточно свистка выживания. Мы найдем, где остановиться.

А что насчет того дома, в котором ты жила? – спросила я. – *Почему не там?* Я знала, что он располагался на Манхэттене. В ее историях он вырос за ночь и был выше деревьев. Из красного кирпича и со множеством окон, обнесен воротами и защищал от отцов, огров и других незваных гостей, если только ты сама не откроешь ворота – а я бы не стала этого делать, меня не обдурить. Там принимали всех девушек, ищущих укромное местечко, – вот что она

мне сказала. Это место называлось «Кэтрин Хаус», и мне казалось правильным назвать целый дом в честь одной девушки. Я представляла, как он высится где-то на острове и ждет нас с включенным светом и приоткрытой дверью.

Но она сказала – нет. Нет. Мы не могли поехать туда. И уж точно не вместе. Этот дом больше не для нее, и это место не для меня.

Больше она о нем не хотела разговаривать.

Она сказала, вместо этого мы можем пользоваться каучсерфингом, ночевать под открытым небом, если придется, а еще у нее остались друзья тех лет, и она могла бы с ними связаться. Мне больше никогда не придется звонить соседям по быстрому набору, когда он в гневе – например, один раз он схватил кочергу и угрожал уничтожить свои картины в гараже, потом маму, потом меня и все свои вещи в порядке значимости. Мы с мамой перевернули эту страницу. И подняли большие пальцы.

Остановившаяся машина изменила все, но не так, как я хотела. Это был минивэн с серебристой рыбой на бампере – первый знак. Мама предупреждала меня об этой рыбе. Сказала, мы можем не понравиться этим людям, они не будут нам доверять – это члены движения Иисуса, – но, если они спросят, евреи ли мы, не надо бояться и скрывать, кто мы такие. Мы должны посмотреть им в глаза и сказать – да. Не важно, что мы не знали, когда по календарю Дни трепета, и не делили тарелки, миски и ложки для мясного и молочного. Для многих мы вполне евреи, даже если для евреев – не вполне.

Я не видела водителя. Сначала заметила лица девочек, прижатые к заднему окну – пухлые губы, вытаращенные глаза. Это были сестры: Шарлотта (старшая, вредная) и Даниэла (младшая, моя ровесница, маленькая копия Шарлотты). Я им сразу не понравилась, и дело совсем не в религии. Их отец сказал маме, что не может прямо сейчас подвезти нас к автомагистрали, так как в пакетах полно продуктов, а его драгоценные девочки очень хотят поужинать. Но если нам надо где-то переночевать, они живут прямо за поворотом, на Блу-Маунтин-роуд и могут выделить нам исправный раскладной диван. Также он упомянул, что его жена умерла.

Через сутки моя мама переехала с раскладного дивана в его кровать. А через неделю наши спальные места стали постоянными, и я уже ездила с сестрами в школу. Во время ужина они произносили то, что называли застольной молитвой, и только потом разрешалось есть. Мама многозначительно смотрела на меня, пока я не закрывала глаза и не принимала их дергающиеся руки. К декабрю мама заявила, что на Рождество мы больше не будем евреями, поэтому можем помочь украшать безвкусную ель из стеклопластика. Мой отец тоже не был евреем, но даже он не просил нас этого делать. На их свадьбу в церкви все женщины надели белое, но мама не знала, что под моим вызывающим зуд белым платьем скрывались надписи на животе, сделанные сестрами. О том, что у меня грязные волосы, я грязная, бездомная и пахну, как дерьмо. Годы шли, и она не знала о многом, что происходило со мной. Не знала, что, заглянув в свое будущее, я не видела ничего блистательного, как было с ней в моем возрасте. Я видела темный туннель, а в его конце – черную дыру. Мама не знала, что, когда в моей руке оказались таблетки из оранжевой бутылочки (на этикетке написано «гидрокодон», срок годности вышел три года назад – она тогда сломала лодыжку, поскользнувшись на подъездной дорожке), я просто рассматривала их форму, насколько они большие и сколько их. Я думала о том, каково это – исчезнуть, и все. Но самое главное, она не знала, что я не забыла про наш план переехать в город. Все эти годы я не отпускала его от себя, пока спала, ела. Я помнила название дома, в котором она жила и на какой улице он находился. Туда могла отправиться любая попавшая в беду девушка. Я помнила, она сказала, что арендованная ею комната была такой же маленькой, как ее гардеробная сейчас, но ведь она принадлежала ей. В комнате лишь одно окно, но ее. Поздно вечером она устраивалась на пожарной лестнице и, болтая ногами в сумеречном воздухе, наблюдала за танцем городских огней. Она думала, что будет частью танцующих огней для того, кто издали смотрит в ее сторону, на эту часть города.

Через несколько дней после переезда к мужчине, который подобрал нас на обочине, мне удалось застать маму одну. Я не понимала, почему мы не отправлялись в Нью-Йорк; она представляла к названию слово «город», выделяя это значение. Разговор происходил в хозяйской спальне. На комод стоял ее любимый лосьон. На тумбочке лежали ее большие серьги иньян. Она вместила в ящик из-под молока и чемодан столько пар обуви, сколько могла, и теперь некоторые из них заняли место у входной двери в прихожей, но самые любимые валялись здесь, рядом со шкафом. Ее ботинки на шнуровке. Ботинки с пряжками. Туфли с каблуком и танкеткой, которые она надевала только по особым случаям, с открытым носком и фиолетовые. Почти все ее личные вещи перекочевали в верхний ящик комода.

Я обошла ботинки и забралась к ней на кровать, чтобы обнять подушку. Я задавала ей такие вопросы: «Почему мы все еще здесь? Когда уйдем? Может, завтра? Или послезавтра? Окажемся ли мы в городе к выходным?»

Но она вот что мне сказала:

– Скоро. Бин, но ты разве не помнишь? Разве мы с тобой не голодали?

Она похлопала меня по животу, напомнив мне, как там было пусто, ведь он перестал давать нам деньги на продукты. Здесь, на Блу-Маунтин-роуд, холодильник всегда был полон.

– Разве мы не боялись?

Она сжала мою руку, напоминая мне, как я пряталась за мебелью, когда слышала его крики. Новый ее парень никогда не кричал.

– Иногда приходится идти на отчаянные поступки, – объяснила она. – Например, сбежать практически ни с чем. Помнишь, почему мы остались без машины? Он бросил аккумулятор в пруд.

Я кивнула. Нам пришлось это сделать. Я оставила там почти все свои игрушки и большую часть книжной коллекции, потому что мы остались без машины. Она даже бросила там свое самое драгоценное украшение, потому что сняла опал со своего пальца. (Она носила его только за закрытыми дверями; однажды разрешила мне его примерить, но кольцо свободно крутилось даже на большом пальце.) Его мы закопали за помидорами черри – чтобы он его не продал, как сказала она. Но в дальнейшем мы не смогли его найти, хотя выкопали прилично.

Мы очень многое оставили в тех стенах, в сервантах и шкафах, на полках, под кроватями, и понадобятся годы, чтобы перечислить все потерянное, потому что мы не могли вернуться туда и потребовать у него эти вещи. После того как мы сбежали, он выехал из дома в Гудзонской долине и переехал в город, чтобы работать художником. Скорее всего, все наши вещи он сжег на костре или выкинул в мусорку, потому что, проезжая мимо, мы увидели, что там проживает новая семья. Проскользнув на территорию, на месте сада мы обнаружили кирпичное патио. Заасфальтированное пространство. Видимо, растения выдрали с корнями. Мы ушли по собственной воле, но возникло ощущение, что все наши вещи проглотила выгребная яма.

Мама продолжила.

– А иногда, чтобы обеспечить себе крышу над головой, приходится делать то, чего не хочется делать.

Я снова кивнула.

– Мечты сбываются не у всех, – тихо произнесла она, держа меня за руку. – Разве обратное было бы справедливо? Понимаешь?

Я понимала.

Время шло, годы, потерянные в этом доме.

Когда мне исполнилось тринадцать, мы выбрались в город, но лишь на экскурсию. Которую омрачало то, что нам запрещалось ходить одним. За нами повсюду таскались ее муж и девочки. Они расписали наш маршрут, забив его самыми туристическими местами, такими как Таймс-Сквер, «Мэйсис» и Эмпайр-стейт-билдинг. Даже не хотели посетить Виллидж. Они купили одинаковые футболки «Я ♥ Нью-Йорк» и кепки FDNY – и наплевали на мамину

просьбу найти квартал с обувными магазинами. Они не захотели обедать в уютном французском бистро, или есть фалафель, или индийское карри, или манты в китайском квартале. Они настояли на итальянской еде в «Олив Гарден». Мы с мамой разок сбежали, сказали, что встречаемся со старым другом, и по дороге в центр мама рассказала, чем бы мы занялись, будь только вдвоем... Подружились бы с бездомным котом. Потерялись бы в лабиринте Вест-Виллидж. Прочитали бы нашу судьбу в случайных брызгах уличных граффити. Посмотрели бы фильм, пока под нашими сиденьями гудело бы метро. В качестве еды купили бы на уличной тележке книши, обжаренные во фритюре кармашки с картошкой, приправленной специями, которые во время ее проживания здесь стоили всего доллар, так что она практически все лето только ими и питалась. Она пообещала все это в следующий раз. Поклялась на мизинчиках. В следующий раз.

Вместо старого друга мы отправились к моему отцу. Все прошло плохо. После этого мама больше не планировала еще раз поехать в город только вдвоем. Не хотела позировать для фотографий в темных переулках, наблюдать за людьми, сидя в парке на скамейке, покупать жирную еду, чтобы съесть ее прямо на улице. Она даже не захотела примерить десятки пар ботинок на Восьмой улице. Шли месяцы. Она больше вообще не упоминала про поездку в город.

* * *

Он вернулся позже, ждал меня, как сверкающая драгоценность, вырытая из глубокой грязи и теперь оказавшаяся на открытом воздухе, на моей ладони. Город.

Это первое, что пришло ко мне, когда я, выкинутая с вечеринки, выползла из леса. Когда колени сдались, стало слишком тяжело идти и я опустилась на асфальт, прямо на прерывистую разметку. Темнота за веками сравнялась с темнотой на дороге. Я слышала шум в ушах. Прижала руки к глазам, пока не увидела звезды.

Ко мне с грохотом приближался грузовик, квадратный и выше обычной машины.

Я услышала и почувствовала его прежде, чем увидела, – рычащий гул, громыханье под телом. Встала и подняла руки, пытаюсь привлечь внимание водителя, но грузовик не замедлился. Проехал мимо так быстро, что чуть не задел меня. Так быстро, что я могла моргнуть и вернуться к тому, с чего начала: ждать, когда кто-то поедет мимо и спасет меня.

Когда я снова открыла глаза, дорога была пустой. Остались лишь звезды в глазах, яркие пятна выжглись на моей сетчатке, словно я смотрела куда нельзя. В голове осталась единственная ясно выраженная мысль.

Город. Он всего в двух с половиной часах отсюда.

Я видела его вдали, как на одной из открыток: его очертания на фоне ночи, снятые откуда-то по другую сторону реки. Весь искрится и сияет, ослепляет и обещает. Я сосредоточила свои мысли на очертаниях. Они становились всё меньше, пока не превратились в окно. Пожарный выход. Единственный блик света.

Мама всегда говорила, что у меня живое воображение.

Я похромала вдоль обочины, временами припадая к деревьям, и перестала чувствовать боль. Я словно уже находилась там, покачивалась на новых ногах в сверкающей ночи, которая знала маму, а теперь узнает и меня.

* * *

Я оказалась у чемодана под ивой, когда поднималось солнце. Наступило следующее утро, и я превратилась в свою маму – точнее, в ту, кем она себя показывала, – устроившись на хорошо просматриваемом повороте дороги Блу-Маунтин-роуд, на фоне растворяющихся вдали голу-

бых гор; жуки атаковали уши, а солнце припекало. Чемодан устроился между ног. Ноющий синяк под глазом спрятался под косметикой. Большой палец вверх, вытянуть руку. Сосредоточить здоровый глаз на дороге, которая приведет меня в город. Назад пути не будет. Никакого страха.

Часть меня желала, чтобы она проехала мимо и увидела меня, стоящую на гравии, тающую от жары. И тогда она выйдет из машины, прижмет меня к себе и скажет, что верила мне и всегда будет верить. Что простила меня за все проступки и всегда будет прощать. Что я могу вернуться в дом. Могу распаковать чемодан. Могу остаться.

Но другая часть меня сдерживалась. Эта часть не позволила бы мне опустить руку или перестать ловить попутную машину. Эта часть заняла твердую позицию.

Я была готова обливаться потом и умирать от жажды, только бы остановилась машина. Я поела взглядом Блу-Маунтин-роуд. Солнце смотрело прямо мне в глаза, и я нацелилась на него, желая увидеть машину, – хотя было больно.

Но машины не останавливались. Пронеслись мимо, словно я – невидимка или даже опасна. Это занимало больше времени, чем я рассчитывала, чем я планировала.

Здесь уже мало кто путешествовал автостопом, так что, возможно, водители и не знали, что им делать, когда девочка-подросток использовала дорогу в качестве личной автобусной остановки. Путешествия автостопом были забавой в фильмах про убийства, потерялись в 1970-х годах, а теперь, возможно, стали нелегальными в штате Нью-Йорк. Но мне некого было просить меня подвезти, я осталась без машины и даже без прав – их отняли у меня сразу после того, как я разбила мамину «Тойоту». Все мои деньги лежали в кармане. Все надежды были устремлены к водителю, который пожелает мне помочь. Либо так, либо идти пешком.

В том, что ехало ко мне, было сложно узнать машину. Какое-то размытое пятно, вывернувшееся на обочину, где стояла я и не могла сфокусироваться на какой-либо его части. А потом оно превратилось в зеленый приближающийся капот, и я увидела за рулем худое лицо девушки, сосредоточившейся на своей цели. Шарлотта ездил на зеленой машине. Она что, не видела меня? Она ускорила и сбила бы меня наверняка, если бы увидела, особенно после этой ночи. Я отступила в кусты, в тень ивы. Машина ехала мимо, наш дом находился в полумиле отсюда, и в открытых окнах виднелись две головы пассажиров – одна на переднем сиденье, вторая на заднем. Даниэла и ее подруга. Они засмеялись, вероятно, надо мной, обнажая клыки, и меня окатило чем-то холодным и мокрым, когда одна из девочек выплеснула в окно остатки лимонада. Как только это произошло, все закончилось. Машина вошла в поворот и не развернулась. Никто не посмотрел на меня с чемоданом. Всем было плевать. Я стояла посреди дороги и показывала зеленой машине средний палец, когда наконец остановилась другая – серый хетчбэк со странным мужчиной за рулем. Он замедлился, как будто сомневался, но, проехав вперед, остановился через несколько метров и подождал, когда я добежу до него.

Окно со стороны водителя опустилось, и порыв прохладного воздуха сообщил о наличии в машине кондиционера. Но мужчина, повернувшись, словно испытал отвращение при виде меня. Его костяшки напряглись: он сжал руль. Все дело в моей одежде: она намочила от лимонада со льдом. Но он смотрел на мое лицо – внимательно рассматривал его, не произнося ни слова. Я посмотрелась в боковое зеркало. Под моим левым глазом появились пятна неестественного цвета. Губы потрескались. С ухом что-то произошло.

– Тебя подвезти в больницу? – спросил он после долгой паузы.

– Я в порядке. – Он словно до сих пор мне не верил, поэтому я добавила: – Я была у доктора. Правда, все в порядке. Выглядит хуже, чем есть на самом деле. Вы сможете подбросить меня до вокзала? Метро-Север?

Но он все равно сомневался. Я ждала, что он сорвется с места, взвизгнув шинами, или скажет мне отправиться на автобусе. Но он не знал, что восемнадцать лет назад мама поехала

на поезде, и я тоже поеду, пусть даже потрачу на это час. Так началась ее история: место у окна, берег реки и счастливый билет в один конец.

– Я встречаюсь на вокзале с мамой.

Это были волшебные слова. Закинув чемодан на заднее сиденье и забравшись на переднее, я не оглянулась на нашу подъездную дорожку и иву, которая когда-то была нашим местом. Я думала, он спросит, куда я направляюсь, – я бы ответила: в Нью-Йорк, – но этого не произошло. Он ничего не спросил. Я волновалась, что дешевое маскирующее средство из аптеки плохо скрывает синяк, поэтому полезла за солнечными очками, которые несколько недель назад вытащила из маминого ящика (она подумала, что потеряла их на йоге), и надела их. После этого мужчина отвернулся от меня, словно я наряду с солнечным светом отгородилась и от всех вопросов. Так поступала моя мама, и я идеально повторила за ней.

Я была известной лгуньей, воровкой, но еще дочкой своей мамы. Если решит меня искать, она будет знать, где меня найти.

Свободная комната

– Проснись.

Прозвучал голос над ухом. Полоса белого света.

В поезде ожил динамик.

– Следующая остановка – Центральный вокзал Нью-Йорка, конечная.

Я выпрямилась. Вокруг меня перемещались незнакомцы, и я не знала, кто из них сообщил мне о прибытии. Похоже, заснула у окна: на щеке остался след. Голова пульсировала от боли. Мамины солнечные очки, которые я не снимала всю поездку из-за опухшего темно-красного глаза, криво повисли на носу. Я представила, как она приехала в «Кэтрин Хаус» в таких же очках – с сильной степенью затемнения, этакой броне, скрывающей ее синяки, – но эту пару она купила много лет позже.

Чемодан лежал, нетронутый, на верхней полке. В кармане наличка, адрес вбит в телефон. Я почувствовала, как быстрее забилось сердце, запульсировало в ушах, и этот звук заглушил остальные, пока мы катились по все еще темным путям Центрального вокзала.

Я приехала.

Поезд медленно катил по туннелям, и казалось, мы никогда не доедем до платформы, которой, возможно, и не было, а город существовал лишь в рассказанной мамой или мной истории. Над головой мерцали лампы, к поцарапанным окнам жались тени, как будто желая пробраться внутрь. В проходе столпились пассажиры, направляясь к выходам в обеих сторонах вагона. И я осталась одна посередине, все еще на своем месте. Задержалась у окна.

Мимо проплыла тускло освещенная, расположенная в недрах станции платформа. Ни души. Дальше мрачные участки туннеля, неиспользуемые и перекрытые. Здесь все выглядело масштабно и в то же время удивительно хрупко, словно кости этого города можно сломать одним резким ударом, и об этом никто не должен знать. На мгновение мне показалось, среди этой грязи я увидела всплеск природы, растущее из третьего рельса дикое дерево, чужеродное и напоминающее зелень давно исчезнувшего маминого сада. Но это всего лишь граффити, захватившее укромное пространство. Дерево не было живым. Поезд ускорился, и рисунок превратился в черное пятно.

Наконец мы остановились. Включился свет, осветив станцию метро. Открылись двери, и люди поспешили выйти из вагонов. Я схватила свой чемодан, свои надежды, натянутые нервы, несформированные мечты – и вышла на платформу.

* * *

Я бы ни за что не отыскала «Кэтрин Хаус», если бы мама все эти годы не держала на пробковой доске в спальне номер его телефона. Одна из дверей их комнаты на первом этаже выходила на веранду, и они никогда ее не закрывали, поэтому туда без проблем можно было пробраться. Место на комодике она использовала не для хранения драгоценностей или зеркала, а чтобы заглядывать в свое прошлое, вспоминать каждое утро, доставая чистые носки, кем она являлась.

К доске кнопками крепились ее старые глянцевые фотографии, которые скрутились от времени; тогда ее волосы были бордовыми, желтыми или сине-черными. Корешки билетов в кино, на спектакли и концерты ска-исполнителей. Памятные сувениры, такие как засохший четырехлистный клевер в пакетике; открытки с изображением звездных ночей или прудов с лилиями на поверхности; поздравительные открытки; вырезка из «Виллидж Войс» со статьей о показе на фестивале короткометражных фильмов, в которой мелким шрифтом указали ее имя, а она его обвела и пометила звездочкой. В самом низу прикреплены номера служб экстренной

помощи, которые всегда должны быть под рукой у каждой мамы: токсикологический контроль, местная больница, кабинет стоматолога. А под всем этим висела помятая от времени визитная карточка, на которой виднелось множество следов от булавок, словно она опасалась, что когда-то придется ей воспользоваться, чтобы сбежать.

Я не успела перед ее приходом просмотреть ящики, но забрала эту карточку. А позже, когда позвонила по номеру телефона с нее, мне ответили после нескольких гудков. Нетерпеливый голос на том конце провода, словно ожидающий этого звонка, сообщил о наличии свободной комнаты. Ее закрепили за мной, но я должна была быстро приехать к ним и заплатить наличными.

Оказалось, «Кэтрин Хаус» не так-то просто найти в городе. Я добралась от вокзала до центра, до Вест-Виллидж. Была уже близко, точнее, должна была оказаться. Но на телефоне светилась серая зона, без названия и не ограниченная улицами. Я не знала, как найти в этой серости нужный дом, не помогли и две таблички с одинаковым названием на углу улицы. На одной – Вэйверли Пл. И на другой тоже. Словно улица делилась на две части себя самой. И вот я стояла и размахивала телефоном в воздухе, когда наткнулась на нее.

Она стояла на тротуаре возле голубого фургона с засохшей грязью на колесах, хотя здесь, куда ни посмотри, на каждой улице сверкал на жаре гладкий асфальт. Фургон был припаркован перед табличкой, предупреждающей о запрете парковки, и девушка оказалась в его тени. Вероятно, именно потому я уперлась прямо в нее.

Из-за столкновения меня понесло на изогнутый знак с острыми краями, который торчал из тротуара. Чемодан повалился на бок и съехал с обочины. Вблизи фургон выглядел еще более старым, на лобовом стекле – куча измятых штрафных талонов, а на грязном колесе – блокиратор, казалось, крайне хлипкий. У девушки были длинные ресницы и короткие волосы, открывающие шею. Кожа немного смуглая, глаза темно-карие с золотистыми вкраплениями – почти что янтарные. Мне так показалось, потому что я только с мгновение смотрела на нее в упор. Она материализовалась на этом отрезке тротуара как будто из ниоткуда. Или обе мы тут появились внезапно.

– Ну, давай, – сказала она, помогая мне с чемоданом. – Скажи это.

Если не считать разбудившего меня в поезде незнакомца, она первой заговорила со мной на Манхэттене.

– Прости... Что мне сказать?

– Все хорошо. Давай. Скажи, что тебе жаль. Что ты меня затоптала.

Я не понимала, серьезно ли она. Она прижимала к себе мой чемодан, и я думала, не решила ли она оставить его себе.

– Мне жаль, – начала я. – Мне кажется, я заблудилась и...

Она подняла руку, чтобы я замолчала.

– Ты не заблудилась. – Затем рассеянно отвернулась. – Ты это слышишь?

Я не понимала, она прислушивалась к чему-то в фургоне или на улице. Город распух от шума. Грохотал и брэнчал в ушах, наполнял голову все нарастающим гулом, доходя до задней части черепа. Голова все еще болела, а глаз пульсировал после произошедшего вчера вечером. Надо было, наверное, сходить к врачу.

– Я ничего не слышу, – призналась я.

– Именно, – сказала она. – Здесь так тихо. Слишком тихо. Когда становится так тихо, понимаешь, что сейчас что-то произойдет.

Я неуверенно осмотрелась. Здесь было не так уж и тихо. Она смотрела куда-то вдаль, мимо голубого фургона. Я проследила за ее взглядом, но увидела лишь окруженный деревьями квартал, почти точно такой же на расстоянии от него, мужчину на тротуаре, который потом скрылся в доме, и ускоряющееся такси. А в остальном мы были одни.

– Ничего не происходит, – сказала я. – По крайней мере, я не вижу.

– Ты уверена? – Я не понимала, она подшучивала надо мной или знала город настолько хорошо, что, в отличие от меня, могла почувствовать приближение чего-то. Знала, в отличие от меня, что надо бежать. Я думала лишь о том, что, если она действительно побежит, я тоже так поступлю.

Я пожала плечами.

– Кстати, надо посмотреть, куда идешь. Могла попасть под машину.

Она подтолкнула чемодан ко мне, но он не покатылся из-за туго затянутых колес. Я подтянула его к себе.

– Спасибо. – Я не знала, что еще сказать, поэтому пошла дальше, волоча чемодан за собой, но потом вспомнила, что не знаю, куда двигаться. Она так и осталась стоять у старого фургона, а солнце, сдвинувшись, подсветило ее силуэт, из-за чего выражение ее лица стало невозможно разглядеть. Я заметила в ее волосах вихор, и он приковал к себе мое внимание. Улыбалась ли она, прислонившись к фургону?

Я вернулась к ней.

– Ты знаешь, где этот дом? – Я вытянула руку с телефоном, не подходя ближе. – Мне кажется, он неверный.

Она сделала шаг в мою сторону.

– Хм, – сказала она.

Я вдруг сообразила спросить:

– Может, ты знаешь, где находится «Кэтрин Хаус»? – Я озвучила адрес. Вероятно, давным-давно, тем летом, моя мама стояла на этом же самом углу, пытаясь найти дорогу. Я чувствовала ее тень, отголосок прошлого. – Знаешь, как до него добраться?

– Возможно.

Я ждала продолжения, но его не было. Вместо этого она в открытую пялилась на меня. Рассматривала мое лицо. Солнце ярко светило и, похоже, делало акцент на каждом дефекте, царапине – и фиолетовом пятне. Оно пробиралось сквозь макияж, делая надетую мной маску еще более заметной.

– Это туда? – спросила я и показала пальцем.

Она притопнула.

– Или туда? – Я показала в другую.

Она почесала нос, все еще не выказывая никаких эмоций.

– Если ты должна куда-то попасть, то сама найдешь это место. Если нет, пройдешь мимо.

Что она имела в виду? Она произнесла это как-то колко, а еще шутливо, словно мы играли в большую и, возможно, жестокую игру.

Я не хотела играть. Хотела найти дом и убедиться в наличии свободной комнаты. Хотела где-то устроиться. Хотела, чтобы позвонила моя мама, – и тогда что? Ответа не было. Ноги болели, чемодан перевернулся и лежал на тротуаре, а на телефоне ни одного пропущенного с кодом 845.

А еще я хотела, чтобы эта девушка знала, куда мне идти, или тоже направлялась туда. Я выдавала желаемое за действительное, но сама поняла, куда мне надо, оглянувшись на квартал. Поняла так же, как мама поняла, когда нам лучше всего сбежать от моего отца. Как я сама поняла сейчас и то, что не стоило ходить на ту вечеринку. Спинным мозгом. Почувствовала, что мне предназначено быть здесь.

«Кэтрин Хаус» находился там, и она это знала. Я пересекла узкую улицу и услышала ее голос.

– Подожди. – Она замолкла. – Ты должна мне сказать... Кто это сделал с твоим лицом?

Я рефлекторно подняла руку, чтобы коснуться ноющих мест, царапин. Воспоминание о вчерашней ночи казалось мне находящимся так далеко, на другом конце света, тяжелым, темным и окруженным хрупкими ветками деревьев.

- Никто, – ответила я.
- Никто не разбивал тебе лицо?
- Наверное, я сделала это сама.

После такого ответа ее глаза загорелись, но не от интереса, от которого люди выглядят в окна, чтобы посмотреть на покореженные в аварии машины и потом это обсудить. В ее глазах загорелся огонек узнавания, понимания.

– Ты не раскрываешь карты, – сказала она. – Умно. Продолжай в том же духе. Кстати, он там. Пройдешь этот квартал и повернешь налево в следующем. Ты найдешь его. Я уверена.

Я поставила чемодан на колесики, отчего он зашатался, и пошла в ту сторону.

– Удачи, и не попади под автобус, – крикнула она мне вслед.

Я чувствовала на себе ее взгляд – покалывание на своих обнаженных плечах. Я оглянулась, но она не отвернулась и так и смотрела на меня, пока я не пошла дальше.

Вскоре я добралась до нужного квартала. В ярком солнечном свете передо мной вырос пятиэтажный «Кэтрин Хаус» из красного кирпича – все, как описывала мама. Я почувствовала его в своих пальцах, в ступнях. Проснувшиеся с покалыванием звезды собрались в середине груди, вызывая незначительное жжение. Это была уверенность. Кульминационный щелчок самоопределения и судьбы.

Здание отделялось от тротуара черными коваными воротами, блестящие столбы которых устремлялись высоко вверх и оканчивались острыми шипами. Табличка на воротах гласила: *Кэтрин Хаус – убежище*. Короткая тропинка за воротами вела к крутым широким ступеням. Дом как будто находился очень далеко, но на деле оказалось – близко. Лестница оканчивалась огромной входной дверью, гладкой и без окна. На высоких окнах первого этажа висели темные непрозрачные занавески. Намек на жизнь давало лишь небольшое витражное окно возле двери, но и в него я ничего не могла рассмотреть.

Я подергала засов на воротах. Заперто. В воротах гнездились звонок и небольшой домофон – и никаких имен. Я нажала на звонок и отступила. Тишина. Снова посмотрела на окна и подергала засов. В этот момент огромная входная дверь распахнулась.

Вышла женщина, за ней две девочки – младшие версии нее. Мама и дочери. Девочки выглядели напуганными, младшая глотала слезы, а женщина как будто злилась, на ее лице отражалась усталость. Они спустились по лестнице, держа в руках коробки с одеждой, и прошли в ворота, игнорируя меня. Подошли к припаркованному у обочины внедорожнику и поставили коробки со стороны багажника. Ворота остались открытыми, но я не знала, можно ли войти. И когда мама девочек направилась обратно, наши взгляды встретились. Я поняла – что-то произошло. Внутри этого дома.

– Ты здесь живешь? – спросила она меня.

Я собиралась ответить, что буду жить, но пока не подписала бумаги, не заплатила деньги, да и комнату пока не получила, точнее, ключи, но она не нуждалась в моем ответе. Заметила чемодан.

– Ты въезжаешь, – мрачно произнесла она. – Не надо. Если бы я была твоей мамой, то отправила бы тебя домой. Сейчас же.

Меня напугало выражение ее лица, и я отступила, железные прутья впились в позвоночник.

– Надо было вытащить Лейси отсюда до того... – Она замолкла. Стоящие у машины дочери навестили уши.

– Кого? – тихо спросила я. – Что случилось?

Она не объяснила. Я для нее больше не существовала. Она вошла в ворота и поднялась по ступенькам. На мой звонок так никто и не ответил, поэтому я проскользнула внутрь, пока ворота не заперлись, и пошла за женщиной, таща за собой чемодан.

Девочки – полагаю, сестры Лейси (теперь передо мной сложилась картинка этой семьи) – поставили коробки в машину и с заплаканными лицами побежали вверх по ступенькам, с жуткой решимостью перебирая ногами. Они влегкую меня обогнали, и я в одиночестве добралась до крыльца.

Дверь была открыта, и я вошла в дом.

* * *

– Эй?

За моей спиной захлопнулась дверь. Тело защеколало от ощущения, что за мной кто-то наблюдает, но я не видела кто. Женщина и ее дочери, казалось, куда-то пропали в приглушенном свете помещения.

Моим глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к такому освещению. Первым делом я отметила огромную гостиную, окутанную тенью. После знойного дневного света темнота выбивала из колеи. Хрустальная люстра с потолка отбрасывала на стены блики. Широкая извилистая лестница устремлялась вверх и исчезала в темноте верхних этажей. Наверное, именно там скрылись мама и ее дочери. У двери, словно часовой, стояла настолько высокая декоративная ваза, что я легко могла спрятаться в ней. Она, вероятно, стояла больше машины. У меня вдруг разыгралось воображение: я представила, как размахиваюсь бейсбольной битой и разбиваю вазу, уничтожаю то, что стоит дороже меня. Я делала такое прежде. Волна злости испарилась так же быстро, как и накатила, оставив меня на старинном ковре с золотистыми переплетениями. Здесь я буду другой.

Мне все казалось странным образом хорошо знакомым – потому что я это помнила. Мама описывала мне этот ковер – сказала, что ходить по нему – это словно ходить по голове тигра... Хотя прошло уже почти два десятилетия с тех пор, как она ступала по нему. А ковер все так же, как и тогда, укрывал пол.

Слева находилась закрытая дверь, напротив темный коридор, а справа большая открытая гостиная с огромным пианино и обшитой бархатом мебелью – все золотистое. На всех полках стояли хрупкие фигурки, перламутровые ракушки и другие безделушки, будто здесь расположился забытый музей. Дело не в том, что время здесь остановилось – иначе воздух не был бы настолько спертым от жары, а поверхность ковра в пятнах, – а в том, что никто десятилетиями не признавал, что время вышло из этого дома.

– Не трогай, – раздался голос.

Я проходила мимо стола и вела рукой по его поверхности, прикасаясь по ходу к декоративной коробочке из расписного фарфора и стоящему рядом декоративному слоновьему бивню – как я предполагала, ненастоящему. Я отдернула руку, но все еще чувствовала его – этот клык не декорация. Он был не холодным и древним, как окаменелость, а гладким и теплым, как кожа.

Я развернулась и обнаружила устроившуюся в кресле из золотистого бархата, стоявшего перед темным камином, девушку. Еще миг, и моя рука схватила бы и прибрала один из этих предметов. Если бы она не заговорила, я бы уже засунула что-нибудь в свою сумку.

Подлокотники и спинка кресла были высокими и обхватили ее фигуру полукругом. Она скрылась за книгой. Я отметила отсутствие названия на обложке, как на лицевой стороне, так и на корешке. Поверхность книги была мягкой, из золотистой ткани на тон темнее мебели.

– К сувенирам нельзя прикасаться, – произнесла она за книгой.

– Я не знала, прости. Эй, ты не знаешь, с кем мне поговорить насчет комнаты?

После моего вопроса она осторожно опустила книгу, скрывая ее содержание. Ее лицо было бледным, а челка опускалась так низко, что проглатывала брови. Она поднялась с кресла –

и оказалась больше, чем я думала. Встав в полный рост, она выглядела внушительно и завидно решительно. Я едва доходила ей до плеч.

– Ты кто?

Она с приглушенным грохотом кинула книгу на кресло, подняв облако пыли.

Я заметила, что она внимательно следила за моими руками, точно раскусила меня. В этой комнате было очень много небольших безобидных вещичек – слишком много. Мне казалось, они даже не заметят отсутствия одной из них.

– Я – Сабина, – представилась я, неловко протянув ей руку. Пустую. – Но можешь называть меня Биной. Меня так все называют.

Она не взяла ее.

– И тебе это нравится?

Я моргнула.

– Я с тобой разговаривала по телефону?

– Я – Гретхен, – сказала она. – И нет. Я здесь живу. Я не отвечаю на звонки. – Она в открытую смотрела на синяк и царапины на моем лице, и я ждала, когда она задаст про них вопрос: из-за них я, вероятно, выглядела ожесточенно или зловеще. Но она продолжила: – Ты заедешь в последнюю комнату?

– Наверное, – я звонила день назад, до вылазки на вечеринку, но новости могли распространиться среди проживающих здесь. Интересно, где остальные, поприветствуют ли они меня, станут ли моими друзьями на всю жизнь и как скоро мы все будем болтать ногами, сидя на пожарной лестнице? Вот ее будут болтаться ниже всех.

– Как ты нас нашла? – спросила она. – Как узнала о комнате?

– Помог Крейглист, – ответила я, не понимая почему.

Но она рассмеялась.

– Отлично придумала. – Черты ее лица смягчились. – Я понимаю, почему ты сюда пришла. – Она постучала черным ногтем по уголку своего глаза – показывая на то место, где у меня был синяк. – Лучше поздно, чем никогда, верно?

Я не понимала, на что она намекала.

– На третьем этаже живет девочка, которую скинули с лестницы, – отметила она, вероятно, для того, чтобы я поняла: у меня все не так уж плохо.

– А что насчет тебя?

– О, меня никто никогда не трогал, – ответила она. Я ей поверила. – От меня просто все время избавлялись. Понимаешь, у мамы теперь близнецы, и мне кажется, я их пугала. Они все время от меня избавлялись, и теперь я здесь.

У меня появилось еще больше вопросов. Я начала их задавать, но она покачала головой.

– Давай остановимся, – сказала она. – Не при нем.

Она показала на гостиную, и там на скамейке, словно она его наколдowała, сидел обхвативший голову руками мужчина. Я чуть не подскочила. Он все это время скрывался в изгибе лестницы, а я и не заметила.

– Мне поговорить насчет комнаты с ним? – спросила я.

– Господи, нет. Его вообще не должно быть внутри. Мы ему сказали, что Лейси здесь нет.

Снова это имя – Лейси. Я складывала кусочки какой-то трагедии, представляя себе нечто мрачное, худшее. Сначала расстроенная мама и сестры, теперь этот мужчина, явно страдающий и ищущий свою дочь.

– Остальные наверху, собирают ее вещи, – сказала Гретхен. – Они не приняли «нет» как ответ.

Я наблюдала за ним, ждала, когда он поднимет голову, но при этом боялась, что придется сказать что-то соответствующее ситуации.

– Не веди себя как стервятница, – сказала Гретхен.

Я подалась к ней. От нее пахло чем-то затхлым, как от страниц старой книги.

– Что случилось с Лейси? Она... умерла или что?

На лице Гретхен долгое время ничего не отражалось, ни один мускул не дернулся.

– Я попросила тебя прекратить эти разговоры, – сказала она. Схватила с кресла книгу, вышла из комнаты и, обогнув мужчину на скамейке, пошла по лестнице наверх.

Она оставила меня наедине с ним, но что я могла сказать? Я не знала его дочь. Не знала, что произошло – может, что-то ужасное и даже в этом доме.

Скоро кто-то должен спуститься, чтобы помочь мне с комнатой, решила я. Сделав полукруг по гостиной, я устроилась на кресле, с которого поднялась Гретхен. Пришлось развлекать себя сувенирами, выставленными на поверхностях вокруг. Некоторые из них стояли близко – на желтеющей круглой кружевной салфетке. Я взяла ближайший предмет, небольшой и устрашающе белый, как гриб.

Моя рука сжала миниатюрный керамический колокольчик – очень уж хотелось знать, какой звук он издает, – и тут по спине пробежали мурашки, хотя в комнате было душно. Мне внезапно захотелось отставить колокольчик.

Я повернула голову. Над камином висела черно-белая фотография в позолоченной рамке. В черном кресле с высокой спинкой сидела темноволосая молодая девушка в черном закрытом платье, ее сложенные руки лежали на коленях. Такую позу принимали сотни лет назад, позируя для картины маслом. Но что-то в ней мне казалось недостаточно убедительным.

Вытянутое лицо, тонкие губы. Ей словно было скучно и слегка грустно. А потом я присмотрелась. Похоже, сначала я рассматривала ее под другим углом, потому что ее восковое серое лицо как будто изменилось. Теперь тонкие губы были сомкнуты. Глаза превратились в два кинжала. Они были невероятно черными, без приветливых вкраплений или зрачков, и пристально смотрели сквозь стекло на меня. Тут из другой комнаты послышался голос.

– Ты была здесь на этой неделе? – спросил мужчина. – Не знаешь, куда она могла уйти?

Я поежилась. Прежде чем повернуться, снова бросила взгляд на фотографию. Рот женщины расслабился, глаза смотрели вниз. Наверное, то выражение лица мне привиделось.

– Я только что приехала сюда, – сообщила я мужчине. Он стоял в центре комнаты под люстрой.

– Она казалась тебе странной? Казалось, что она может сорваться с места, не позвонив, не оставив e-мэйл?

– Я только что приехала сюда, – повторила я, подбираясь ближе. – Я ее не знаю.

Но теперь у меня возникли вопросы.

– Конечно, – сказал он, словно мне не верил. Он повернулся к лестнице. – Они сказали мне ждать внизу. Мужчинам нельзя наверх.

Я кивнула.

– Вы – ее отец?

– Да. Моя жена там, наверху. С девочками, сестрами Лейси. Собирают ее вещи.

– Я знаю, слышала.

Мною двигало любопытство. По спине снова побежали мурашки, стало щекотно, будто ко мне прижимался кончик кинжала.

– Они сказали, она сюда не вернется. Сказали, она ушла.

Я подошла ближе.

– В каком смысле ушла?

Он вместо этого сказал:

– Это место казалось безопасным.

Безопасным. Мама говорила, что в «Кэтрин Хаус» чувствовала себя в безопасности. Защищенной. Но, как только открыла ворота и ушла, ее сломил реальный мир.

Припомнились плохие истории о городе, рассказанные мамой. Темные закоулки, пустующие платформы в подземке, подозрительные мужчины. Вечерами, до наступления комендантского часа, мама бродила по улицам в ботинках по колено; ветер играл ее волосами, и она знакомилась с примыкающими кварталами, была готова к новым открытиям. Однажды ее преследовала в Томпкинс-сквер-парке компания парней, и она пряталась в круглосуточном магазинчике, пока им не стало скучно и они не ушли. В другой раз ее чуть не толкнула под поезд расстроенная женщина. *Тебя могли убить*, говорила я ей, когда она рассказывала мне эти истории, но я не беспокоилась за нее и не осуждала. Я произносила это с благоговением.

Но она находилась в безопасности, заверяла она. Ее возвращения ждал этот дом – на этом ее истории заканчивались, скрывались за запертыми до утра воротами. Вот почему этот дом так притягивал меня – она выстроила в моей голове его высокие крепостные стены.

– Мы не знаем, что случилось, – сказал отец Лейси. – Здесь она должна была получить помощь.

Он выглядел сломленным. Вел себя так – что не укладывалось в моей голове, исходя из опыта общения со своим отцом, – будто его уничтожала одна только мысль о жизни без дочери.

У меня осталось одно ясное воспоминание из раннего детства о моем отце. Он разговаривал с другим взрослым, а я схватила его за штанину, чтобы привлечь внимание. Он посмотрел на меня свысока, и я подняла руки, думая, что он сократит расстояние и поднимет меня. Вероятно, я предполагала, что он усадит меня к себе на плечи, как поступали папы со своими маленькими дочками, потому что я была маленькой и его дочкой. Я почти чувствовала пьянящее чувство высоты, которое пришло бы ко мне, если бы я балансировала на его крепких и сильных плечах. Очень хотела, чтобы он меня поднял. Тянулась к нему. Но папа стоял на месте, где-то в стратосфере комнаты, голова возле потолочного вентилятора, а моя – у его коленей – слишком низко, чтобы он слышал мой голос. Он продолжил разговаривать с этим взрослым, борода скрывала его рот. Я опустила руки. Он не опустил голову.

– Она отлично справлялась, – произнес отец Лейси. При этом он крепко сжал мою руку. – Не понимаю, что произошло.

Я понятия не имела. Он сжимал мою руку сильнее, чем делают это обычно, впивался пальцами, пока, наверное, не почувствовал твердую преграду в виде кости.

– Я тоже не понимаю.

Я вывернула руку и посмотрела на лестницу. Изгиб на самом верху задрожал от теней. Меня никто не ждал? Никто из работников не выйдет сюда, не поприветствует меня, не поможет устроиться в комнате?

– Она была в порядке, – снова произнес он. Обнажил зубы.

Я установила между нами преграду – столик с тремя большими деревянными ножками.

– А может, нет, – услышала я свой ответ.

– Что ты сказала?

– Только... мне кажется... может, нет. Она не была в порядке. И этого, возможно, никто не заметил.

Он склонил голову.

Я сказала что-то плохое – поняла это, как только слова сорвались с губ. Это было начало истории, но я засунула ее обратно, заметив его реакцию. Надо было извиниться, но удаленный наблюдатель внутри меня хотел посмотреть, что он скажет в ответ, что сделает. Он был ее отцом. Когда дома все шло не по плану, когда я разбила мамину машину и солгала об этом, когда почти целую неделю пропускала школу и скрыла это, когда мама «была готова влезть в петлю» – это ее слова на все, что я сделала с ней, слова, заставившие меня поежиться, – я вспоминала отца. *Может, мне жить у него*, говорила я. *Жить с этим человеком?* спрашивала она. *Тебе? Черт, нет.* Когда я сказала, что могу позвонить в галерею – я нашла информацию о ней в Интернете, номер и адрес, на размытом снимке Гугл карт виднелся целый фасад, – она

ответила, что мне не стоит этого делать. Когда его отец умер, он взял все деньги и открыл на них это место. Ни цента нам не дал. И не позвонил. И не отправил даже открытку. Разве такой человек захотел бы жить со мной?

Отец Лейси повесил голову. Я не знала, что он сделает: накричит на меня, оттолкнет или схватит еще сильнее.

Я отступила.

– Я же вам сказала, что не знала ее. Приехала сюда только сегодня.

На лестнице послышался шум, мужчина отступил и пересек комнату. Мама Лейси и сестры спускались с чемоданом и несколькими коробками.

– Это последнее, – сказала ее мама. Она казалась спокойной и собранной, но в глазах отражалось нечто тяжелое и замысловатое.

– Давай помогу хотя бы с этим, – сказал мужчина.

– Мы справимся. Разве я не просила подождать в машине?

После этого они вышли на улицу. Без них в комнате стало спокойно.

– Им потребовалось много времени, – произнес сверху пронзительный голос. По лестнице спускалась хрупкая худая женщина. – Они всегда ведут себя так эмоционально. Это утомляет. – Ее лицо озарила улыбка. – Прошу прощения, что тебе пришлось подождать. Теперь можешь войти.

Она кивнула на дверь возле лестницы. До этого она была закрыта, а теперь открылась. Кто это сделал?

– Разве ты пришла сюда не затем, чтобы снять комнату? – спросила она. – Ты же ради этого здесь, верно?

Я кивнула.

– Зови меня мисс Баллантайн, мне так больше нравится.

Я ее никак не называла.

Она была невысокой, но при этом властной и твердо стояла на золотистом ковре. Удивительно, сколько места в комнате она занимала, хотя была даже ниже меня. Обтягивающая блестящая юбка. Сатиновая блузка с оборками. Драгоценности различных форм, металлов и выступов вокруг шеи, на запястьях и пальцах, на мочках ушей и блузке – все это блестело. Ее волосы – золотисто-желтые, схожие цветом с ковром – убраны у шеи в тугий пучок. Ей могло быть сорок или сто лет. Вскоре я узнала, что она – домохозяйка и менеджер дома, но не владелица. «Кэтрин Хаус» управляло доверие, потому что его хозяйка давно умерла.

– Я – Сабина, – сказала я. – В смысле, Бина. Можете называть меня Биной. Моя мама давным-давно снимала здесь комнату, и я знаю, это странно, но подумала...

Она оценивала меня, не двигаясь. Даже не дышала. И не моргая смотрела на меня. Это нервировало. Наконец она сменила позу, переплела пальцы, стукнув кольцами.

Я снова заговорила. Не знала, что делать еще.

– Я, эм... Вы сказали принести наличные?

– Ну что за глупости, – сказала она, и теперь меня нервировала ее широкая улыбка. – Я знаю, кто ты, мисс Тремпер, но другим пока не говорила. Тебе еще надо подписать документы. Здесь мой кабинет. Пойдем.

И когда я заходила внутрь, подгоняемая ею, мне в голову пришла мысль: при разговоре по телефону она заверила меня, что есть свободная комната. Она просила принести наличные. А потом повесила трубку, даже не спросив мое имя.

Клятва

Я уже объяснила, что хочу мамину, десятую, комнату и после этого словно не могла замолчать.

– Вы помните мою маму? – спросила я мисс Баллантайн. – Тогда ее звали Дон Тремпер. До того, как она вышла замуж. – Мне не нравилось, что мама изменила свое имя, чтобы соответствовать мужчине, с которым была, – это означало, что она больше не соответствовала мне. – Когда она здесь жила, вы работали?

Подробности не помогли. В этом доме многие девочки оставались жить десятилетиями. Многие хотели сниматься в фильмах или стать центром внимания на сцене с красным занавесом. Некоторые из них вернулись к плохим парням и бывшим обидчикам или приходили арендовать комнату со шрамами на руках, вздрагивали, когда к ним прикасались, говорили, им надо где-то остановиться. Этому описанию соответствовала сотня девушек. Если бы мисс Баллантайн помнила, разве не сказала бы?

Вместо этого она подалась вперед и спросила:

– Теперь мы прекратим эти игры?

– Прекратим что?

– Я надеялась, ты позвонишь раньше, но сказала ей, что надо подождать, что этот день настанет. И вот ты здесь.

По мне пробежала волна удивления.

– Звонила моя мама?

Похоже, она давно знала, что вышлет меня, – с момента встречи «Тойоты» с деревом или дольше? С моего пятнадцатилетия, первого худшего года моей жизни, за которым последовали еще два? Я думала, она хотела оставить меня тем знакомым из церкви, но она все это время знала, что я окажусь здесь, как когда-то она. На сердце на секунду потеплело.

Но если это правда, откуда она знала, что я возьму визитную карточку и сама позвоню?

– О, нет, – исправила меня мисс Баллантайн. – Нет, нет. Твоя мама годами с нами не связывалась. Нам нравится, когда с нами держат связь бывшие жильцы. Если могут.

– Значит, она не звонила.

– Нет, – ответила она, – ты звонила.

Внутри меня что-то оборвалось. Я не призналась, что мама не знала о моем местонахождении, что стащила номер телефона, как и деньги из кошельков. Уверена, мама ненавидела меня прямо сейчас, возможно, изучала информацию, как подать отказ от дочери, меняла замки и выдвигала обвинения за кражу в особо крупных размерах (какая сумма считалась уже «особо крупных размеров»?). Я говорила о ней, словно мы близки, два сцепленных мизинца, совпадающие циклы – даже сегодня.

Но мисс Баллантайн не помнила ее. Сюда десятилетиями приходили девушки, затем уходили, ключи от комнат передавались из рук в руки, называлась куча имен. Я хотела, чтобы мама запомнилась, была светящимся лицом в толпе, но на это ничего не указывало.

Я могла даже ошибиться с именем. Мама начала называться Дон, когда переехала в этот дом. Это ее второе имя и сценическое, а теперь обычное там, в большом мире. Я так и видела ее в этой комнате, ее волосы, сменившие за одно лето полдесятка оттенков, ее огромные мечты, ее переполненный обувью чемодан. Теперь я увижу это место сама и пойму ее. Пойму ее так, как не понимала никогда.

Ее фамилия и, соответственно, моя – Тремпер – не была унаследована моей мамой. Она нравилась ей больше, чем фамилия семьи, которая звучала «этнично» для ее будущего в Голливуде, где многие переделывают себя в спокойных вежливых новых людей и притворяются не теми, кем являются. Ее фамилия родом из того же места, откуда и она сама – от названия

горы Тремпер в округе Алстер. Она писала ее на всех своих глянцевых фотографиях. Отзывалась на нее на каждом прослушивании. Она поменяла ее законно, в суде. И передала мне при рождении.

Только я собралась задать мисс Баллантайн новый вопрос, как нас прервали. Дверь приоткрылась, и заглянула какая-то девушка. Темные волосы наэлектризовались и образовали ореол вокруг ее головы. Взгляд больших пронизательных глаз упал на меня.

– Да, у нас новый жилец, – сказала мисс Баллантайн. – Вы увидите с ней позже.

Девушка пялилась на меня. Я почувствовала себя обнаженной, без оболочки.

Мисс Баллантайн махнула рукой, и голова исчезла.

– Я прошу прощения, – сказала она. – Но у меня плохие новости.

Она объяснила, что я не могу взять десятую комнату: занята. Но это же хорошо, что все комнаты заняты, верно? Даже если мне придется заселиться в четырнадцатую?

Я представила себе загадочную Лейси, все ее вещи вынесены и свалены на обочине. Я заезжала в ее комнату? Что там с ней случилось? Не важно. Я сказала, что беру эту комнату. Она не мамина, но близко к той.

Я заметила краем глаза, что мимо приоткрытой двери медленно прошла еще одна девушка. В этот раз блондинка, гладкие волосы на концах завивались. Небольшие поджатые губы. И она тоже ничего не произнесла.

После нее появилась девушка в фиолетовом, затем другая – вспышка рыжих волос и красной помады.

– Не обращай на них внимания, – сказала мисс Баллантайн, настолько усердно стараясь казаться беззаботной, что я задалась вопросом, не заволноваться ли мне. Я сидела спиной к двери, в которую мог войти кто угодно.

Я снова повернулась. Увидела напротив большую гостиную, золотистый бархат на каждом предмете мебели, артефакты из неизвестных мест, покрытые пылью, и портрет серьезной молодой женщины в позолоченной раме. Жильцы больше за мной не наблюдали – разбрелись кто куда. А вот фотография на стене наблюдала.

– Какая-то проблема? – спросила мисс Баллантайн.

Портрет. Его губы двигались, создавая под стеклом небольшое размытие? Рамка теперь криво висела на стене, будто сместилась влево? Стекло перед ее лицом заволокло странным вращающимся туманом?

– Можно, эм... – Я не хотела озвучивать то, что видела. – Можно закрыть дверь?

Мисс Баллантайн поднялась из-за огромного стола. Прошла через комнату – небольшую и переполненную шкапами для хранения документов, но я слышала каждое клацанье и стук ее драгоценностей, а их было много – и закрыла дверь. И только снова вернувшись за стол, сверкая округлыми кольцами, она заговорила о названии.

– Тебя интересует наша Кэтрин. – Когда я не ответила, она пояснила. – Кэтрин де Барра. Тетка этого пансиона и его владелица до своей трагической смерти. И я уверена, мама тебе рассказывала. Эту фотографию сделали, когда Кэтрин едва исполнилось восемнадцать. В тот год она потеряла отца. Никого из ее родственников не осталось в живых. После его смерти она осталась совсем одна. Ты только представь.

Мисс Баллантайн назвала меня любопытной, но я бы использовала не это слово, а – сбитой с толку. Меня беспокоило то, что находилось в той рамке.

Я отыскала пустые слова и произнесла их:

– Красивая фотография.

Мисс Баллантайн позволила тишине воцариться между нами, словно разоблачила меня. Эта фотография была действительно нестандартной – если подойти поближе, размытие становится явным. Это напоминало оптическую иллюзию, только с глазами и тонкими губами. Остальное затуманено. Я заметила это в гостиной.

– Я имею в виду, что девушка на фотографии – Кэтрин, – она красивая.

Мисс Баллантайн прищурилась. Я видела фотографию? Смотрела на нее вообще?

Да, видела и смотрела. Я считала, что гнев красит девушку, пока не направлен на меня.

– Кэтрин известна не своей красотой, – произнесла мисс Баллантайн. Она прошла к шкафу. – Женщину можно ценить и за другое. Я всем нашим девочкам это говорю – ради их блага.

Она достала из ящика стопку бумаг.

– В случае с Кэтрин всех женихов привлекало ее наследство. Ее отец, Чарльз де Барра, до своей смерти очень ее оберегал. Одни говорят, даже слишком. Другие... с нездоровым интересом. – Она пожала плечами, будто сама такого не сказала бы. – Но слух о его смерти очень быстро распространился, и перед домом выстроились женихи. Они приносили подарки. Проводили здесь целые недели, но она никого не выбрала. А потом один инцидент забрал ее жизнь. И оказалось, она оставила дом всем нам. Откуда-то знала, что он нам понадобится.

Инцидент. Я вцепилась в это слово.

Нам. Словно я уже была одной из них.

Мисс Баллантайн с почтением глянула на выцветшие занавески и низкий потолок, прилипшую к углам паутину. Затем посмотрела прямо на меня. Видела злую ненадежную девушку? Поняла, кем я была на самом деле?

Нет. Она всего лишь рассматривала мое лицо. Ее беспокоила только моя наружность. Синяк, опухлости, разбитая губа – из-за них я выглядела отчаявшейся. Казалось, именно это она и искала – только это видела и хотела знать.

– Кэтрин сказала, что ты придешь, – заявила она. Она повысила голос, будто надеялась, что кто-то услышит ее за пределами кабинета.

Я выпрямилась на стуле.

– Долгие годы заботясь об этом доме, – *сколько лет?* подумала я; молочная пленка на глазах мисс Баллантайн намекала, что очень много, – проживая здесь ради каждой молодой женщины, которая оказывается у этих дверей, я часто думаю, как это трагично. Я рада, что твоя мама отправила тебя сюда, мисс Тремпер. Прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как все комнаты были заполнены так, как мы надеялись. Когда Кэтрин сказала, что ты звонила, я почувствовала эту вспышку. И не могла дать ей определение до этого момента. Надежда. Она тоже ее почувствовала, когда вы разговаривали.

Она прикоснулась пальцем с кольцом к черному телефону на столе. Его провод был вставлен в стенку. В голове по очереди возникли следующие мысли:

Она думает, мама специально меня сюда отправила.

Она думает, я разговаривала с мертвой женщиной по телефону.

Поднимайся. Встань с этого стула.

Подойди к двери. Забери чемодан. Уходи.

Но тело не двигалось. Только рот.

– Простите? – сказала я. – Разве я не с вами разговаривала по телефону?

Она покачала головой. Она говорила именно то, о чем я подумала. За скрывающей глаза пленкой – словно по ту сторону тонкой белой занавески – горел свет. Яркий мерцающий свет.

Раздался стук в дверь, и заглянула другая девушка. Я попыталась посмотреть ей в глаза, но она избегала моего взгляда.

– Простите... – Она замешкалась. – Можно узнать у вас насчет льда?

– Да? – сказала мисс Баллантайн.

– Мы тут подумали... он нам понадобится?

Она разговаривала очень официально, и веснушки на щеках потемнели, точно это был какой-то дерзкий вопрос.

Мисс Баллантайн подалась вперед.

– Да, мисс Тедеско, спасибо, что уточнили. Понадобится. Совершенно точно.
Девушка расслабилась.

– Кажется, сегодня у нас будет вечеринка, – произнесла мисс Баллантайн. Она кивнула. Девушка кивнула. Дверь закрылась. Я не встала со стула и не побежала к ней. Ни одним мускулом не двинула. Забавно, что они говорили про лед, тогда как мои руки, обхватившие подлокотники, казались холодными. Того тумана, который я заметила за стеклом портрета, больше не было там. Он оказался у моих ног и тонкой пеленой полз вверх. Казалось, нижнюю часть моего тела засунули в узкую морозилку, а верхняя еще оставалась на свободе.

А потом все пропало. Любая мысль о тумане, холоде, предчувствие, что я должна подойти к двери и уйти. Все это пропало, кроме обычной кружащей по тусклой тесной комнате пыли. Я снова видела свои ноги. Мисс Баллантайн, как и прежде, сидела за столом.

Я прикоснулась к саднящим местам на лице, на голове.

Все это казалось реальностью. Но, возможно, я была слегка не в себе.

– Готова? – спросила мисс Баллантайн, нахмутив брови.

– В каком смысле? Готова к чему?

Она коснулась затылка, основания черепа, левой стороны, где как раз лежала моя рука.

– Ты сказала, у тебя болит голова и тебе требуется минутка. Все прошло?

Моя голова странным образом очистилась. Я кивнула. Этот приступ – что бы это ни было – прошел, да так быстро, что я о нем не помнила.

– Давай продолжим с бумагами, – сказала она.

Бумаги. Вот чем мы занимались. Передо мной на столе лежал листок.

Это был краткосрочный договор аренды – я могла позволить себе оплату только до июля, но впереди целый месяц, чтобы придумать, как оплатить август, – в конце место для вписания инициалов и подписи. Мисс Баллантайн передала мне шариковую ручку, покрытую пылью. Она объяснила, что из-за подготовки к вечеринке придется сократить экскурсию по дому.

– Вечеринка сегодня? – спросила я.

– Да, именно об этом спрашивала мисс Тедеско. Ей дано задание сбежать за льдом в магазин на углу. В такой жаре точно захочется чего-нибудь выпить.

Я снова кивнула. Вспомнила какой-то разговор про лед, и мои руки и ноги снова согрелись, ощущая захватившую комнату летнюю влажность.

– Ты взяла с собой, что можно было бы надеть? – спросила она. – Предпочтение отдается коктейльным платьям.

– Я приглашена? – уточнила я.

Она почти рассмеялась.

– Конечно. У тебя найдется подходящее платье?

Все зависело от того, что лежало в моем чемодане. Когда я была в душе, до моего побега на вечеринку, мама пришла в мою комнату. Это она паковала чемодан и оставила его на краю кровати, закрытый на молнию и помеченный моим именем поверх зачеркнутого ее имени. Она попыталась починить с помощью скотча сломанное колесо, но ей это не удалось. Вероятно, она думала, что помогает мне. И не понимала, что вела себя жестоко.

Мое лицо все еще саднило после прошлой вечеринки, на которой я напилась, как свинья, и хотела лишь добраться до корней деревьев и похоронить себя в теплой черной земле.

– В восемь часов, – сказала мисс Баллантайн. – Попроси девочек одолжить тебе какую-нибудь одежду.

Мы продолжили разбираться с арендой. Я передала наличные за один месяц – больше, чем я могла себе позволить. И старалась не думать, что после покупки билета на поезд и проезда на метро у меня осталось \$94,59 и ни работы, ни перспектив.

– Еще кое-что перед выдачей ключей, – произнесла мисс Баллантайн и придвинула ко мне листок. – Клятва.

И она говорила серьезно. Листок бумаги начинался с даты и слов «Я клянусь, что я, – здесь я должна была вписать свое имя, – проживая в «Кэтрин Хаус», убежище для молодых девушек, открывшем для меня двери, обещаю сама открыться ему и клянусь сегодня следовать следующим правилам...» Далее шел список. Тихий час с десяти до пяти. Завтрак в промежуток между семью часами и половиной девятого. Общий холодильник для продуктов стоял в заднем коридоре, но духовкой или плитой пользоваться нельзя. На неделе комендантский час в десять часов, на выходных – в полночь. Другие правила включали в себя запрет курения, незаконных веществ любого вида, хождения на каблуках по паркетному полу (потому что каблуки оставляли царапины; я не стала комментировать каблуки самой мисс Баллантайн), никаких животных, плиток в комнатах, свечей любого вида, ладана, ничего, что горит или может стать причиной пожара.

Ближе к концу мисс Баллантайн сделала паузу на одном правиле. Запрещалось нахождение мужчин выше первого этажа, и она хотела удостовериться, что я никого не пропущу. Ни мужчин, ни парней – никого. Даже просто друзей. Ни братьев, ни других родственников, настоящих или так называемых. Никаких пап или дядей. Лестница и все, что выше, всегда было зоной без мужчин. Я поставила свои инициалы напротив этого правила, и она сделала паузу, словно хотела посмотреть, что я на это скажу.

Это правило было просто древним. И скучным, и перенесенным из другого времени. Но я и так никого не хотела впускать в свою комнату, не важно, какого пола. И если бы в какой-то момент кого-то пригласила, кто бы пришел?

– Хорошо, – сказала я.

– Обычно именно здесь я получаю яростные возражения.

Похоже, моя мама чувствовала себя в безопасности, зная, что наверх нельзя пройти человеку, от которого она сбежала. Я же бежала от чего-то другого. Я увидела нависшее надо мной кольцо из лиц девочек, мерцание костра в лесу, приближающийся удар. А потом потеряла картинку. Это не важно – они не могли знать, что я здесь.

– У меня нет возражений, – ответила я.

Последний пункт клятвы был напечатан жирным шрифтом и подчеркнут. Мисс Баллантайн перед прочтением уделила время рассказу о том, что до этого возбудило мое любопытство. Пансион был основан после трагической смерти Кэтрин в результате инцидента; она ушла слишком рано, вскоре после своего отца. Именно так она и сказала – «инцидента», слово с ноткой загадочности. В завещании Кэтрин передала дом другим молодым девушкам, оказавшимся в беде, которые нуждались в безопасном месте, чтобы укрыться от жестокого, грубого мира за воротами. Пока она жива – мисс Баллантайн постучала себя по костистой груди, – она сделает все, чтобы следовали желаниям Кэтрин. Кэтрин хотела бы, чтобы ее дом стал убежищем в этом опасном, грязном городе. А убежище – это крепость. Крепость надежно защищена секретами.

Последний пункт клятвы был таким:

29. Я не буду разговаривать с репортерами, авторами, историками или кем-то еще, исключая кровных родственников женского пола в первом и втором поколениях (матери и дочери, бабушки и внучки) о том, что происходит в доме, и о владелице, хоть и умершей, как во время проживания здесь, так и после в течение 99 лет.

Число лет смущало, так как по прошествии их все подписавшие эту клятву будут мертвы.

Но у меня перехватило дыхание из-за другого. *Исключая* кровных родственников женского пола, таких как мамы и дочери. Значит, дочке можно было рассказать? Мама подписывала эту клятву – без подписи не смогла бы арендовать десятую комнату – и знала, что ей разрешено рассказывать о владелице дома.

Но она никогда не рассказывала мне о Кэтрин де Барра. Ни разу.

– Снова проблемы? – спросила мисс Баллантайн. Моя ручка зависла над листком. Наверное, она решила, у меня снова приступ.

– Никаких, – сказала я и отметила последний пункт.

Мисс Баллантайн потребовала поставить подпись внизу страницы.

– Спасибо, – произнесла она и как будто с облегчением прижала мою клятву к груди. Казалось, она имела большее значение, чем заплаченные мною деньги. Хотя странно, что она так беспокоилась о заселении последней комнаты – разве не могла дать рекламу в Интернете и в мгновение ока получить жильца?

– Мы так обрадовались, когда ты позвонила, – добавила мисс Баллантайн. – К нам редко приходят наследницы – и дочь Дон Тремпер? Не могу выразить, какая это неожиданность.

Так, значит, она помнила мою маму. Внутри меня запульсировала боль.

– Какая в этом неожиданность? – спросила я. – Я всю свою жизнь знала об этом месте.

– Конечно, знала. Мы не думали, что мисс Тремпер после своего ухода захочет, – она долго подыскивала нужное слово, – чтобы ее дочь жила здесь.

Я так и представила своего отца у ворот, испортившего все. Если бы не он (и я), мама могла бы остаться здесь на целый год или даже дольше.

Мисс Баллантайн подошла к стене и сняла с расположенного высоко крючка ключи.

– Пойдем? – сказала она.

Мы вернулись в фойе – она как-то странно произносила это слово. По лестнице на следующий этаж поднималась какая-то девушка, и мисс Баллантайн остановила ее, резко окрикнув.

– Мисс Чаудхари, у вас же есть минутка?

Девушка повернулась и вежливо улыбнулась, хотя видно было, что до этого спешила попасть на следующий этаж прежде, чем ее заметят.

– Конечно, мисс Би, что случилось? О, привет.

Последнее адресовалось мне.

– Это мисс Тремпер, – ответила за меня мисс Баллантайн. Меня называли так же, как мою маму почти двадцать лет назад. – Комната четырнадцать. Покажете ее?

– Так это правда, – произнесла девушка. – У нас новый жилец.

Она смотрела прямо на меня. Мы раньше встречались? Она была выше и заметно стройнее – на что я сразу отреагировала, втянув живот. А еще исключительно красивой – точеные скулы, огонек в глазах, темные волосы падают на плечи, коричневая кожа, теплая улыбка.

– Комната четырнадцать, – повторила мисс Баллантайн. Ключи все еще лежали в ее украшенной драгоценностями руке. Она не отдавала мне их. – Сегодня в этом доме не останется свободного места.

На лицо девушки легла тень.

– Конечно, без проблем. – А потом обратилась ко мне. – Я – Анджали. Живу на пятом этаже, как и ты.

Она спустилась за ключами (мисс Баллантайн их отдала).

– Приятно познакомиться, – сказала я. И сообщила, что меня можно называть Биной.

– Мисс Чаудхари, подождите минуточку?

Анджали подалась вперед.

– Вы случайно сегодня не видели мисс Мэтис?

Далее они заговорили тихо, и я ничего не слышала, а потом Анджали отметила:

– Я сегодня весь день не видела Моне.

Она произнесла это как-то равнодушно, словно ей совсем не нравилась Моне.

Мисс Баллантайн с беспокойством взглянула на входную дверь.

– Нам нужно всех собрать.

– Уверена, она вернется к вечеру, – заверила ее Анджали.

Мисс Баллантайн сказала, что она права, и ушла, оставив меня и Анджали внизу лестницы.

Лицо Анджали долгое время оставалось хмурым. А потом разгладилось.

– Тебе с этим помочь? – спросила она.

Я взяла чемодан и подняла на следующую ступеньку.

– Я справлюсь.

– Хорошо, если ты уверена. Знаешь, здесь нет лифта.

Она пошла наверх, но вскоре остановилась, потому что я не последовала за ней. Она заметила, что я задержала взгляд на висящей над камином фотографии, стараясь понять, почему она меня так беспокоила. Теперь она выглядела обычно. Даже совсем не злой.

Что не приблизило меня к пониманию.

– Эй, – сказала Анджали. – На твоём месте я не стала бы здесь задерживаться.

Она поскакала по ступенькам, двигаясь так быстро, что мне пришлось ее догонять.

* * *

Мы топали по многочисленным крутым ступенькам, которые лихо закручивались – чем выше, тем сильнее. Я шла за Анджали и тащила за собой чемодан.

Она спросила меня через плечо:

– Что тебя сюда привело? Я сбежала и никогда не смогу вернуться – Нью-Джерси не так далеко отсюда, но я вряд ли встречу здесь кого-нибудь оттуда, так что здесь я чувствую себя в безопасности. А ты?

Она говорила об этом так открыто, так искренне, что я поразилась.

– Я с севера штата, – ответила я. – И я здесь ненадолго – на месяц.

Она как-то странно на меня посмотрела, словно не верила, что я скоро захочу отсюда уйти. Я продолжила подниматься за ней и больше ничего не сказала.

– Это у тебя синяк или что? – Она прижала руки ко рту. – Поверить не могу, что спросила, прости. У меня такое ощущение, что я не думаю, прежде чем говорю...

– Все нормально. – В голову легко и быстро пришла ложь. Похоже, меня вымотала поездка. Возникали проблемы с подробностями. – На меня напали. Выпрыгнули из ниоткуда и... понимаешь...

Секундочку. Эта ложь слишком похожа на правду.

Это произошло всего день назад, но все казалось каким-то расплывчатым, как бывает, когда я выпью. Иногда картинка приобретала четкое изображение. Я видела перед своими глазами зеленый кроссовок с белыми шнурками, а потом этот кроссовок уже устремлялся ко мне размытым пятном, зеленым и белым, грязным и быстрым, и попал прямо по моему лицу. Это лишь начало. Мне снова стало холодно, как и до этого. Я увидела ветви деревьев, которые трещали, пока я пробиралась сквозь них. Часть леса – слишком темную, слишком густую, слишком далеко от дороги. Что-то происходило с моим ухом или внутри него, как-то странно гудело. Лодыжка сдавалась. На языке наждачка. Боль в лодыжке. И я села.

Это происходило в реальности. Я сидела на ступеньке, а Анджали остановилась чуть выше и смотрела на меня. Вокруг нас крутилась пыль.

– Устала подниматься? – спросила она.

– Мне нужна секундочка, – ответила я.

– Так на тебя напали?

Да, так лучше.

– Они забрали все мои деньги и мамино украшение. Черный опал, очень редкий. Я старалась бороться, но...

Зачем я упомянула опал? Не могла хотя бы об этом соврать? Я поднялась. Лодыжка все еще болела, в ушах раздавался странный свист, а в голове поднялся ураган. Надо было озвучить ей самую настоящую ложь, а не нечто похожее на правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.